

Чан Хаоцин мысленно исходил ядом, чествуя своего работодателя на чём свет стоит. Только так он мог выпустить пар и высказать всё, что думает об этой невыносимой звезде.

Жун Цзинь словно почувствовал этот взгляд. Он оторвался от экрана и посмотрел на агента.

— Отправил?

Стоило ему поднять голову, как длинные ресницы скользнули вверх, открывая глаза. В косых лучах полуденного солнца его светлые, почти прозрачные радужки отливали чистым янтарём. В этом взгляде сквозило что-то призрачное, пугающе нереальное.

О его внешности когда-то писали: он красив той дикой, хищной красотой, в которой изящество граничит с пугающей, почти первобытной силой. Тот, кто видел его впервые, застывал в немом восторге, подавленный этим царственным величием.

Столь высокопарные сравнения в адрес любого другого сочли бы дешёвой лестью и подняли на смех. Но Жун Цзинь был исключением. С этим утверждением соглашался каждый, кому довелось увидеть его воочию.

Вот и сейчас, в его мимолётном ленивом взгляде сквозила острота искусно отточенного клинка.

Чан Хаоцин, ещё секунду назад кипевший от злости из-за упрямства своего подопечного, на мгновение обомлел, а затем истошно завопил:

— Замри! Не двигайся!

Действуя на чистом автоматизме, он выхватил смартфон. Никаких фильтров и масок — Чан Хаоцин просто открыл стандартную камеру и поймал идеальный ракурс. Полюбовавшись результатом, он самодовольно хмыкнул: с таким талантом ему впору идти в профессиональные фотографии.

Вдоволь налюбовавшись шедевром, он ткнул экраном прямо под нос Жун Цзиню:

— Глянь! Ну каков красавец!

Жун Цзинь едва скользнул взглядом по экрану и согласился:

— Да.

Чан Хаоцин расплылся в улыбке:

— Ещё бы, у такого мастера, как я...

Договорить он не успел.

— Я про себя, — ровным тоном уточнил Жун Цзинь.

Чан Хаоцин подавился собственной слюной.

Выдай такое любой другой, Чан Хаоцин тут же послал бы его куда подальше за крайнюю степень наглости. Но спорить с Жун Цзином было бесполезно — против правды не попрёшь.

«Да чтоб тебя! — мысленно выругался агент. — Где справедливость в этом мире? Если смазлив, то тебе всё сойдёт с рук?!»

Тем временем чертовски привлекательный и столь же успешный Киноимператор Жун снова уткнулся в свой планшет. Чан Хаоцину потребовалось немало усердия, чтобы переварить эту выходку и не заработать нервный тик. Кое-как придя в себя, он решил предпринять ещё одну попытку достучаться до звезды:

— Раз уж ты всё равно сутками торчишь в сети, почему бы тебе самому не выложить пост в Вейбо? Хоть раз прояви активность, пообщайся с аудиторией. Бедные девчонки уже извелись, умоляя тебя подать хоть какой-то знак жизни...

Договорить ему снова не дали. Жун Цзинь вопросительно выгнул бровь:

— Ты действительно этого хочешь?

Агент осёкся. Суровая реальность мгновенно привела его в чувство. Он глубоко вздохнул и нацепил самую слащавую, фальшивую улыбку, на какую только был способен:

— Нет-нет, пожалуй, не стоит. И так сойдёт. В конце концов... расстояние лишь подогревает интерес.

Последние слова он едва не процедил сквозь зубы.

Соцсети давно прослыли лакмусовой бумажкой для знаменитостей. На публике многие казались безупречными, но стоило им выйти в сеть без контроля пиарщиков, как наружу лезли все изъяны: скверный характер, сомнительные взгляды, дремучее невежество и даже тщательно скрываемая ориентация. Одно глупое заявление — и преданные фанаты мигом отворачивались от кумира.

Теперь, когда эмоции поутихли, Чан Хаоцин с ужасом представил, что натворит его подопечный, дорвись он до ведения личного блога. Да этот несносный тип умудрился бы собрать комбо из всех возможных грехов! Характер — не сахар, ленивый заядлый затворник, да к тому же эгоцентрик каких поискать! Работать не заставишь, только и знает, что зависать на форумах да рубиться в игры. Месяцами слова не вытянешь, но стоит ему открыть рот — пиши пропало, у всех причастных давление мигом подскакивает до критических отметок. Да у него, кроме смазливой мордашки, вообще хоть одно достоинство имеется?!

«Нет! Ни единого!» — мысленно вынес вердикт агент.

Жун Цзинь даже головы не поднял:

— Кончай мысленно поливать меня грязью. У тебя всё на лице написано.

Чан Хаоцин безмолвно уставился в потолок.

«Да есть ли у меня вообще хоть какое-то право на частную жизнь в этом дурдоме?!»

Жун Цзинь на секунду замер, оторвавшись от игры. Он прикинул в уме: действительно, у него не было съёмок уже больше полугода. Неудивительно, что агент в последнее время бросался на людей, словно у него начался затяжной климакс.

— Ладно, — вздохнул Жун Цзинь. — Я согласен на роль в проекте режиссёра Цзиня.

Чан Хаоцин опешил. Когда до него наконец дошёл смысл сказанного, он едва не подпрыгнул на месте:

— Серьёзно?! Берёшься?!

Жун Цзинь кивнул:

— Да.

Тон Жун Цзиня не оставлял сомнений, но Чан Хаоцин, уняв первую волну ликования, тут же затревожился:

— Сценарий у режиссёра Цзиня отличный, спору нет, но работа предстоит каторжная. Справишься?

Чан Хаоцин вечно изводил себя заботами: стоило подопечному запеть о заслуженном отдыхе, как у агента начинали гореть все дедлайны; стоило тому согласиться на съёмки — тревога

вспыхивала с новой силой.

Проект режиссёра Цзиня обещал стать шедевром, но локации планировались дикие: то безжизненные пустыни, то глухая чаща, где и дорог-то толком нет. К тому же снимать собирались боевое уся. Чан Хаоцин вздохнул. Как ни крути, при всём своём несносном характере Жун Цзинь обладал одним неоспоримым достоинством — поразительным профессионализмом.

Бездельничал он самозабвенно, но уж если включался в процесс, то отдавался ему без остатка. А режиссёр Цзинь славился своей одержимостью: на дух не переносил каскадёров, заявляя, что те лишают сцену искренности. Что, если актёр покалечится во время опасного трюка? Чан Хаоцин занервничал и зашёл с другой стороны:

— А как насчёт фильма режиссёра Яна? Там тоже сценарий вполне достойный.

У проекта режиссёра Яна имелся неоспоримый плюс: современная корпоративная драма гарантировала съёмочной группе комфортабельные отели и цивилизацию, в отличие от диких лесов Цзиня.

Но Жун Цзинь лишь отмахнулся:

— Я снимаюсь только в лучшем.

Фильм Яна подпадал под категорию «весьма недурно», но никак не дотягивал до звания «лучшего».

Чан Хаоцин понял, что переубедить упрямца не удастся. На душе скребли кошки. С одной стороны, Жун Цзинь наконец возвращался к работе, что сулило агенту баснословные проценты. С другой — почему эти лёгкие, казалось бы, деньги всегда давались ценой стольких нервных клеток? Поразмыслив, он пришёл к логичному выводу: во всём виноват несносный характер его подопечного.

И тут Жун Цзинь нанёс очередной превентивный удар:

— Да, кстати, оформи на моё имя ещё несколько карт. Побольше.

— Какого банка? Дебетовые или кредитные? — машинально уточнил Чан Хаоцин.

Жун Цзинь лаконично пояснил:

— Сим-карты для интернета.

Чан Хаоцин выпал в осадок.

Тем временем Чи Фэйжань по настоянию Ли Юаня устроил себе двухдневный перерыв и теперь наконец сидел в кресле стилиста, проходя через долгожданное преображение.

Девушка-стилист, орудуя феном, восхищённо цокала языком:

— Какая прелесть! Сразу видна юность — кожа нежная, как лепесток цветка!

Чи Фэйжань лишь вежливо улыбнулся в зеркало, промолчав.

Юноша был на редкость хорош собой, а от его мягких, безупречных манер веяло такой чистотой, что у стилиста от этой улыбки перехватило дыхание. Если бы не Ли Юань, который бдел рядом словно насадка над любимым цыплёнком, она бы точно не удержалась и ущипнула очаровательного паренька за щёку.

Сидевший на диване Чэнь Мэнъян решил развлечь компанию свежими сплетнями:

— Народ, вы слышали?! Киноимператор Жун всё-таки согласился на роль в новом фильме режиссёра Цзиня!

Стилист мгновенно замерла с расчёской в руке:

— Да ладно?! Не шутишь?!

— Чистая правда! Наши из кинодепартамента шепчутся, что контракт подписали буквально только что! — заверил Чэнь Мэнъян.

Ли Юань тут же строго предостерёг:

— Руки держи ровнее! Осторожнее с феном, не дай бог обожжёшь Фэйжана!

Но девушка уже едва сдерживала бушевавшие эмоции. Усмирив дрожь в руках, она не смогла сдержать восторженного писка:

— Господи! А Жунжун сейчас здесь, в компании?!

Чэнь Мэнъян, будучи ярым фанатом Киноимператора, принялся судорожно строчить

знакомым. Получив утвердительный ответ, он взволнованно выпалил:

— Да! Здесь! Пишут, они с режиссёром Цзинем сейчас на шестнадцатом этаже! Там уже целая очередь выстроилась за автографами!

Это известие добило несчастную фанатку. Позабыв обо всём, она отложила фен и рванула к выходу, крикнув на ходу:

— Ой, солнышко, подожди минутку! Я только автограф выпрошу и сразу назад!!!

Ли Юань со вздохом прижал ладонь ко лбу. Его, конечно, злила подобная халатность, но, поразмыслив, он вынужден был признать: перед очарованием Жун Цзиня устоять не мог никто.

Чэнь Мэнъян так и заёрзал от нетерпения:

— Брат Ли... может, и мы поднимемся одним глазком взглянуть?

Студия находилась на четырнадцатом этаже — подняться всего на два уровня, и они увидят кумира вживую! О таком шансе можно было только мечтать.

Ли Юань перевёл взгляд на притихшего помощника, у которого глаза горели лихорадочным блеском. Даже обычно невозмутимая Чжоу Я смотрела на менеджера с затаённым ожиданием. Оценив причёску Чи Фэйжаня, которая была практически закончена, Ли Юань сдался:

— Хорошо, пойдёмте все вместе.

Чи Фэйжань никогда не принадлежал к числу фанатов. Из-за того что он почти всю жизнь провёл за рубежом, его познания о китайском шоу-бизнесе оставались весьма скудными. Но об этом человеке он всё же слышал.

Жун Цзинь.

Фэйжань послушно поднялся и поплёлся за Ли Юанем и остальными. На душе у него скребли кошки, а в груди поселилось странное чувство вины. Всё дело в том, что среди композиций, которые он отобрал для своего дебютного альбома, числился золотой хит, когда-то удерживавший вершину чартов целых двадцать недель. И исполнял его именно Жун Цзинь...

Этот факт лежал на сердце тяжёлым камнем, и перспектива столкнуться лицом к лицу с истинным владельцем шедевра заставляла юношу изрядно нервничать. Но, глядя на воодушевлённых Чэнь Мэнъяна и Чжоу Я, он не посмел пойти на попятную и лишить коллег радости. Пришлось безропотно плестись следом, борясь с внутренним смятением.

На шестнадцатом этаже яблоку негде было упасть — коридор напоминал оживлённый базар. Впрочем, приличия всё же соблюдались: статус компании обязывал держать себя в руках, так что визгов и криков, обычных для уличных толп фанатов, слышно не было. Лишь изредка то тут, то там раздавались приглушённые девичьи вздохи — эмоции у собравшихся зашкаливали, и это был единственный способ хоть как-то совладать с нахлынувшим восторгом.

Жун Цзинь, чей рост по официальным данным составлял сто девяносто два сантиметра, величаво возвышался над обступившими его людьми. Глядя на него, невольно вспоминалась классическая идиома:

Словно журавль среди воробьёв.

Тёмные очки надёжно скрывали его глаза, но даже той части лица, что оставалась открытой, хватало с лихвой, чтобы сокрушить наповал любое сердце. Несмотря на плотное кольцо окруживших его людей, на лице актёра не отразилось ни тени досады. Он молча и методично, один за другим, подписывал протянутые блокноты.

Чи Фэйжань остался стоять в самом конце коридора. Глядя на это столпотворение, он испытывал странное, труднообъяснимое чувство.

В его мыслях невольно всплыла строчка из старого поэтического хита:

«При первой нашей встрече ты сиял один в безликой массе».

Раньше Фэйжань воспринимал эти слова отстранённо, как красивую метафору, лишённую реального наполнения. Но в это мгновение он наконец осознал истинную силу этого поэтического образа. Вокруг не было пышных декораций — лишь самый заурядный, залитый холодным светом ламп коридор. Но некоторые люди словно рождаются с магическим даром собирать на себе все лучи этого мира, где бы они ни находились. И тогда они начинают сиять первозданным блеском, подобно безупречному бриллианту в лучах солнца.

Поставив очередную подпись, Жун Цзинь внезапно поднял голову и посмотрел вверх окруживших его плеч.

Его взгляд натолкнулся на пару тёмных, бездонных глаз, в которых сквозила кротость лесного оленёнка.

В самом конце коридора стоял невероятно, до щемящей боли красивый юноша.